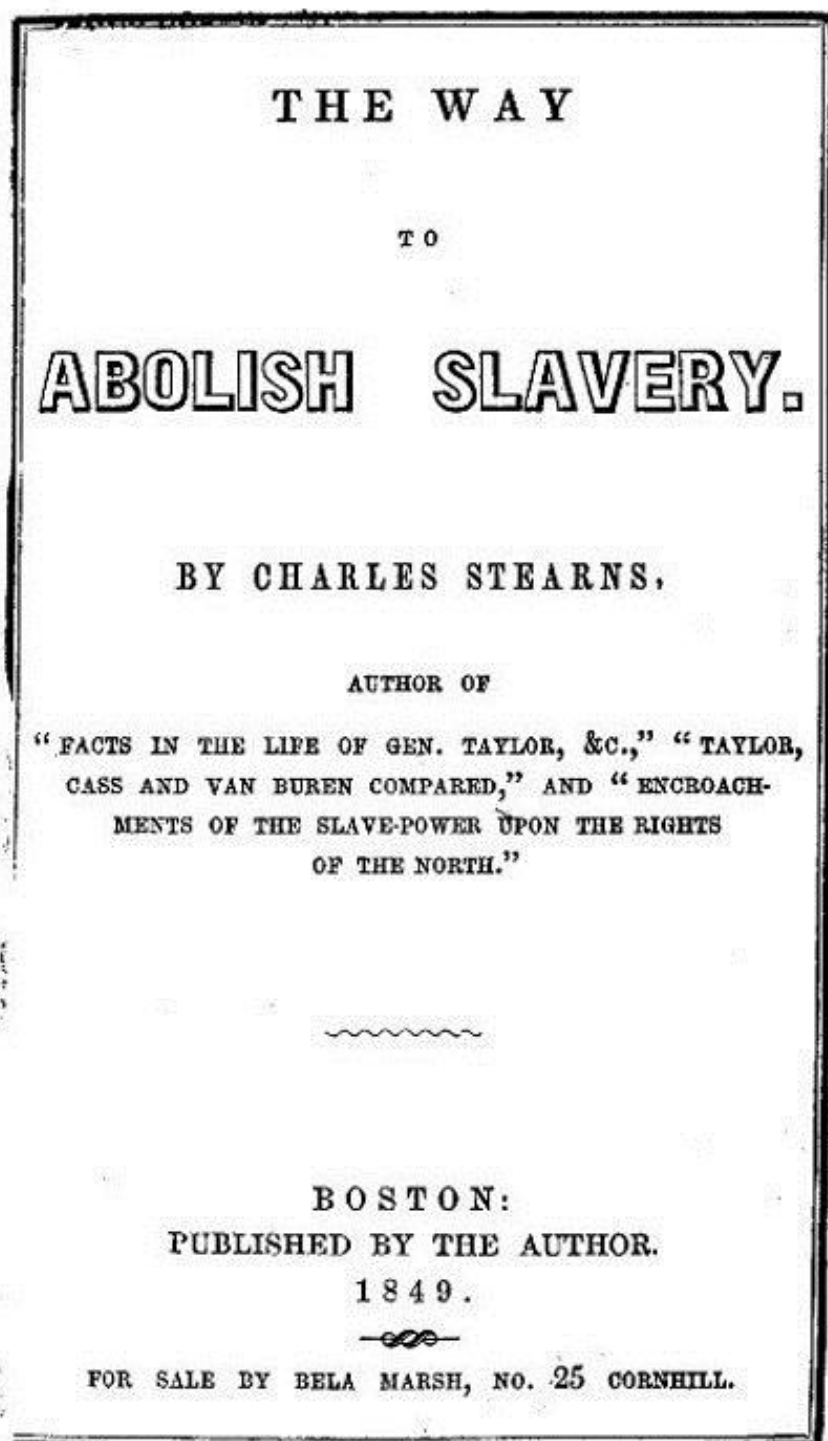

Путь к отмене рабства

Чарльз Стернс

Электронная книга проекта Гутенберга " Путь к отмене рабства "

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Путь к отмене рабства

Автор: Чарльз Стернс

Дата выхода: 26 января 2014 г. [Электронная книга № 44761]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Шарлин Тейлор, Мартином Петтитом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПУТЬ К ОТМЕНЕ РАБСТВА " ***

ПУТЬ К ОТМЕНЕ РАБСТВА

ЧАРЛЬЗ СТЕРНС, АВТОР КНИГИ "ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ ГЕН. ТЕЙЛОР И ДР.", "СРАВНЕНИЕ ТЕЙЛОРА, КАССА И ВАН БЮРЕНА" И "ПОСЯГАТЕЛЬСТВА РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ВЛАСТИ НА ПРАВА СЕВЕРА".

БОСТОН:
ОПУБЛИКОВАНО АВТОРОМ.
1849.

Введение.

После потока света, пролившегося на умы общества в результате восемнадцатилетней антирабовладельческой проповеди, посвященной злу отвратительной системы принудительного рабства, попытка пролить еще какой-либо свет на этот предмет показалась бы почти излишней; поэтому в этой работе ничего не будет сказано по этой части предмета; но будет приложено все усилия, чтобы убедить читателя в эффективности предлагаемого здесь средства правовой защиты.

В начале этой работы необходимо будет сказать, что автор не является политиком и пишет не в партийных целях; он также не является агентом или органом какого-либо общества по борьбе с рабством, но пишет, опираясь на свой собственный авторитет и авторитет истины; ни перед кем не несет ответственности за то, что он утверждает.

Моя цель - донести до общественного сознания то, что я считаю единственным верным и эффективным средством от ужасной болезни рабства. Если при этом вас осудят, читатель, не судите поспешно, что я неправ; но выслушайте меня откровенно и беспристрастно. На языке апостола: "испытывай все и крепко держись того, что хорошо".

Я не сторонник разделения из-за какого-либо желания видеть, как анархия бросает свою ужасную тень на нашу землю; но из-за искреннего желания не допустить, чтобы среди нас воцарился "хаос, еще более ужасный", как это, несомненно, произойдет, если рабство просуществует еще много лет. Давайте тогда "потянем, долго и решительно" и вытащим этого ужасного монстра из его укрытия между стенами святилища и залами законодательства, не давая ему покоя, пока он не сбежит с земли, обратно в погибель, откуда он появился.

АВТОР.

СПОСОБ ОТМЕНИТЬ РАБСТВО.

Рабство - это среда, через которую с неудержимой силой протекают порочные страсти людей. Под его влиянием заболевает и умирает каждое растение добродетели. Его гнилостная форма загрязняет воздух, которым мы дышим, и источает всевозможные неприятные запахи, которые делают его настолько противным истине и чистоте, что эти ангелы быстро прекратили бы его существование, если бы не поддержка, которую он получает из других источников, помимо него самого. Несмотря на грубый и мускулистый внешний вид, внутри он полон болезней; и только постоянные дозы лекарств позволяют ему сохранять видимость жизни. Говорят, что знаменитый магнетизер однажды силой магнетизма надолго предохранял мертвое тело от разложения. Наконец он убрал магнетизирующую силу, и тело мгновенно рассыпалось на атомы. Так и с рабством; снимите с него чары, которые наложили на него священники, политики и спекулянты, и оно исчезнет из-за своей собственной коррупции. Оно живет только за счет этой внешней поддержки, точно так же, как добродетель некоторых людей обусловлена только тем, что им за это платят или хвалят. Приложите же перст истины к его гигантской форме; пусть только могучая рука праведности ухватится за эти поддерживающие влияния и сметет их с него; и он упадет так

же быстро, как упала бы огромная статуя, если бы пьедестал, на котором он стоит, был убран из-под него.

Рабство, безусловно, достигает высот горы, возвышаясь над всеми другими возвышенностями в этой стране; намного выше самого высокого шпиля или Государственного купола (церкви и государства); каким бы высоким и властным оно ни было, оно будет повержено в прах, если только истина сможет достичь подпорок и стражей, которые поддерживают его жизнь. Какой бы геркулесовой ни была его сила, тогда он станет бессильным; жизнь, которая есть в нем, подобна лунному свету, не его собственному, а полученному из независимого от него источника.

Каковы же тогда опоры рабства? Их можно разделить на два класса: политический и религиозный; или, другими словами, и церковь, и государство могут рассматриваться как поддерживающие ужасную систему. В истории записано, что у входа на некий остров стояла огромная бронзовая статуя, стоявшая верхом на воде, которая простиралась перед островом; и что попасть в город можно было только проплыв между ногами этой статуи, каждая нога которой покоилась на мысе острова. Представьте себе, тогда, великое гигантское Рабство, стоящее одной ногой на Американской церкви, а другой - на Союзе, требующее от всех желающих войти в гавань популярности, пройти это испытание, и у вас появится слабое представление о Рабстве. Она твердо стоит своей правой ногой на правительстве Соединенных Штатов и получает от него свою основную поддержку; но чтобы сделать свою точку опоры твердой и уверенной, она протягивает свою левую ногу к Церкви и там находит дополнительную поддержку. Без этих двух подпорок она не может существовать ни мгновения.

Но давайте посмотрим, правда ли, что она существует благодаря силе этих двух институтов. 1. Оказывает ли церковь ей какую-либо поддержку? Мы не станем выдвигать никаких обвинений против церкви; все, что мы хотим знать, это оказывает ли она какую-либо поддержку рабству? Не будет подвергаться сомнению тот факт, что в рабовладельческих государствах рабство санкционировано церковью. Каждый знает, что рабовладение не является препятствием для членства в церкви на всем Юге. Очень немногие служители отказываются держать рабов, и ни служители, ни члены церкви никогда не подвергаются порицанию за этот поступок. Автор прожил несколько лет в двух рабовладельческих государствах и знает, что это факт. Он постоянно путешествовал и проповедовал, и поэтому бывал в семьях большого числа религиозных людей; и он никогда не знал случая, чтобы о рабовладении говорили как о том, что человек непригоден для членства в церкви. Он был на многих религиозных пробуждениях и никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из новообращенных сказал хоть слово об отказе от своих рабов, кроме того, что сказал он сам. Рабовладение считалось не более несовместимым с христианством, чем наем слуг на Севере. Ни один мужчина не мечтал отказаться от своих рабов из-за своего обращения. Рабовладельцы были самыми выдающимися людьми в церквях: старейшинами, дьяконами, классными руководителями, управляющими и служителями. Конечно, если церковь сочтет это правильным, люди, как правило, так и поступят; ибо кто когда-либо слышал о более чистых общественных настроениях, чем то, что одобряет церковь. Ручьи никогда не поднимаются выше своих истоков; и, конечно, поскольку источником морали в любом сообществе всегда является его религия, и никогда - религия данной страны. Напрасно ожидать, что община будет лучше своих религиозных учителей; поэтому такие учителя всегда считаются более чистыми, чем основная масса людей. И сама идея церкви - это общество людей, исповедующих большую чистоту, чем другие; конечно, какой бы грех ни был совершен в соответствии с волей церкви, он будет совершен остальной частью сообщества. Если бы

прелюбодеяние не считалось дисквалификацией для членства в церкви, сколько времени прошло бы, прежде чем земля наполнилась бы прелюбодеяниями? Очевидно, что какой бы грех ни нашел убежище в лоне церкви, он будет совершаться миром; поэтому все попытки исправить любое великое зло бесполезны, пока церковь поддерживает их и в то же время обладает какой-либо властью. Возьмем, к примеру, невоздержанность. Каким мощным аргументом против воздержания было то, что члены церкви производили, продавали и пили ром? И если бы этой практике члены церкви сейчас следовали повсеместно, как это было когда-то, какая была бы надежда на прогресс в деле соблюдения трезвости? Как сказал Христос, "если свет, который в мире, есть тьма, то насколько велика эта тьма". Церковь претендует на то, чтобы быть представителем христианства, воплощением добродетели. В нем говорится: "Мы святы и богодухновенны; если вы говорите против нас, вы хулите Бога, потому что мы его дети".

Тогда, конечно, если оно поддерживает рабство, это говорит о том, что это хороший и божественный институт, идеально приспособленный для содействия благосостоянию человечества. Если бы церковь запретила практику рабовладения, как это происходит с пьянством, прелюбодеянием, воровством и убийством, и отлучила от церкви тех, кто ее практикует, как это происходит с виновными в вышеупомянутых грехах, дело было бы совсем другим, даже если бы ее члены имели привычку тайно практиковать это. Если бы он даже проповедовал против рабства, это было бы другое дело; но вместо этого у нас есть служители, оправдывающие это Библией и призывающие рабов повиноваться своим хозяевам, потому что этого требует Бог, и угрожающие им адом, если они их ослушаются. Затем мы видим зрелище большой церкви на Юге, отделяющейся от своих северных братьев, потому что последним не нравилось, что епископ держит рабов! Они вообще не остались бы в связи с церковью, выступающей против рабства.

Но все это, как вы можете сказать, не относится к северным церквям. Что ж, если северные церкви одобряют рабовладение южан, то это, безусловно, так. Если они признают их христианскими церквями, принимают их служителей как христианских служителей и воздерживаются от упреков им в их грехах, тогда северная церковь виновна в поддержке рабства. И это дает ему двойную санкцию; ибо это говорит о том, что мы верим, что рабство не является несовместимым с христианским характером; и мы были воспитаны вдали от его влияния. Это делает больше для поддержки порочной системы, чем даже сами церкви юга; ибо южане ожидают, что те, кто вырос под влиянием рабства, будут считать это законным; но когда они видят церкви, живущие вдали от места ее существования, одобряющие ее и разделяющие ее, они сразу приходят к выводу, что это не может быть неправильно. Почему церкви Севера должны одобрять это, какие мотивы у них при этом есть, не нам сейчас говорить. Перед миром стоит великий и ужасающий факт, что на всем свободном Севере едва ли есть церковь, которая каким-то образом не была бы связана с рабством. Если они не поддерживают южные церкви, они поддерживают северные церкви, которые протягивают правую руку общения южным церквям. И где церковь на Севере, все члены которой являются ярыми аболиционистами? Есть ли хоть одна церковь, где "запрещение союза с рабовладельцами" является критерием приема? Мы никогда не слышали об одной, и это церковь Ковенантеров в Пенсильвании. Конечно, Уэсли не признают южные церкви христианами; но они будут общаться с теми, кто признает; обмениваться мнениями со своими служителями и принимать своих членов, и, более того, разрешать своим членам голосовать за рабовладельцев, даже за Быт. Тейлор! Конечно, ни одна церковь не может быть антирабовладельческой, в которой есть члены, голосовавшие за этого короля южных рабовладельцев! В том, что это правда, свидетельствует случай Сета Спрэга из

Даксбери, который является уэслианцем и произнес чуть ли не первую речь в пользу генерала. Тейлор выступил в штате. Но во всех наших церквях есть такие люди, и, безусловно, они поддерживают рабство. Посмотрите на огромное количество служителей в этом штате, которые голосовали за Быт. Тейлор, доктор богословия, а также менее почетные; и некоторые осветили свои дома в честь его избрания, как в случае с доктором Э. из Салема. Другие произносили проповеди в поддержку этого закона, как в случае с доктором С. из Северного Брукфилда. Вероятно, во всей Новой Англии едва ли найдется церковь, все члены которой, которые вообще голосовали, проголосовали против распространения рабства.

Прежде чем перейти к комментариям о вине церкви в этом отношении, давайте на мгновение рассмотрим ужасное положение бедного раба, которого в спешке забирают из семьи и передают в руки негра-погонщика, который должен быть перевезен в Калифорнию или Нью-Мексико. "Муж, куда ты идешь?" жалобно спрашивает убитая горем жена, когда его уводят с аукциона к тому, кто предложит самую высокую цену, и он возвращается, чтобы попрощаться со своей спутницей. "Жена, я не знаю! Прощай! прощай!" - отвечает рыдающий муж; и его торопливо уводят от нее и, возможно, бьют за то, что он разговаривал с женой. Очевидец этих сцен и тот, кто сам был разлучен со своей матерью, говорит, что он знал, что водитель избивал палками мужа и жену, когда они вцепились друг другу в шеи незадолго до расставания. Однажды автор, путешествуя по Кентукки, встретил раба, который казался очень удрученным. Он остановился и спросил его, в чем дело. "О, - сказал он, - я был проститься со своей женой, которую только что отправили в Миссури жить с моей молодой любовницей, недавно вышедшей замуж, и я не надеюсь увидеть ее снова, пока жив!"

Какой должна быть человечность у этих людей, которые не могут сочувствовать бедному Рабу в таких условиях, как эти? Никто не отрицает, что подобные вещи постоянно происходят на Юге; и все же в результате они вызывают лишь небольшое сочувствие. Сердца людей стали черствыми, как адамант. Их чувствительность полностью притуплена. Они лишены всяких чувств.

Какая картина только что предстала перед этой нацией! Новая территория, свободная от рабства, требует защиты от своего ужасного проклятия. Подавляющее большинство всех людей в Соединенных Штатах относятся к этой молитве с презрением и фактически заявляют, что она не будет исполнена путем голосования за кандидатов в президенты, которые, как известно, выступают за ее принятие там. Вот уже 50 лет искалеченные жертвы рабства истекают кровью на плантациях Юга, громко призывая наше правительство прекратить защищать их жестоких хозяев; но их крики были заглушены криками шумных политиков, которые говорили о необходимости сохранить наш славный Союз, чего бы это ни стоило раздавленному и закованному в кандалы рабу.

Казалось, вот-вот начнется новая эра. Этот вопрос волнует всю страну и становится стержнем, на котором должны развернуться президентские выборы. Станут ли эти крики трех миллионов рабов громче и пронзительнее, или между ними будет воздвигнут барьер, и их страдания еще больше возрастут? Станет ли Мексика трясинной уныния, в чью ужасную трясину будет брошен задыхающийся раб, и будет открыт новый рынок для удовлетворения мужчин, которые осматривают тела своих жертв, как мужчина осматривает лошадь, которую собирается купить, и женщин, и мужчин; или меч херувимской силы будет охранять всякий вход в эту страну, как меч ангела охранял Эдемский сад?

Этот вопрос был поставлен перед народом этой страны на последних выборах, и как он был решен? Пусть история отступит в изумлении, когда она опишет унижительный факт, что вся страна была потрясена эмоциями и потрясена приложенными могучими усилиями, чтобы посадить человека в президентское кресло, который, как известно, выступает за это продление. Не нужно никаких аргументов, чтобы доказать порочность такого народа. Их вина очевидна, их лицемерие вопиюще. Оно смотрит всему миру в лицо, словно зловещее пламя ада, поднимающееся из своего подземелья. Чувство вины, мы сказали? В английском языке нет терминов, достаточно сильных, чтобы описать порочность этой сделки; и все же *церковь участвовала в ней*. Из ее государственных органов не было слышно ни одного предостерегающего голоса, призывающего ее членов выступить против этого ужасного деяния. Напротив, многие из ее министров вызвались помочь продвинуть проклятую сделку. Благочестие быт. За Тейлора поручились преподобные отцы в Боге; и святые всевышнего были найдены склоняющимися в благоговейном преклонении перед этой Джаггернаутом. Немногие и далекомежду ними были голоса отдельных министров, в оппозицию к этому курсу; и теперь, когда дело сделано, кто восклицает против? Кто выходит из церквей, где правят эти грешники? Кто отказывается слушать проповеди или молитвы служителей, кто голосовал за генерала. Тейлор? Какое общество уже уволило своего служителя за это? Какая церковь приняла резолюции против признания таких людей христианскими служителями? Да ведь грабитель с большой дороги с таким же основанием может претендовать на звание христианского служителя, как и тот, кто голосовал за Быт. Тейлор.

Нам еще предстоит узнать о первой церкви, исключившей члена церкви за эту вопиющую сделку; и все же голосование за Тейлора намного хуже обычного воровства, поскольку человек ценнее животного или доллара. Голосуя за воина-рабовладельца, вы говорите, что рабство является правильным, уважаемым и достойным похвалы. Вместо того чтобы хмуро смотреть на рабовладельца, как вы смотрели бы на конокрада, вы возводите его в высший пост в своем даровании; таким образом, делая все, что в ваших силах, чтобы сделать рабовладение почетным. Способствовать выдвижению рабовладельца на пост президента - такое же тяжкое преступление, как и удерживать рабов. Это делает *больше* для поддержки рабства; ибо в нем говорится, что мы возложим высшие общественные почести на рабовладельцев. Мы разместим их там, где все их влияние может быть использовано для укрепления системы; и это заткнет рты людям, выступающим против рабства; ибо не годится кричать о рабовладельцах как о грабителях, когда наш президент - рабовладелец.

Кроме того, очень большая часть церкви отдала свои голоса за человека, поклявшегося бороться за распространение рабства, хотя номинально и не являвшегося рабовладельцем. Быт. Касс оправдывал распространение рабства и приводил доводы в пользу неконституционности запрета на его распространение; и члены церкви подали за него тысячи голосов. К их чести, многие члены церкви и служители отказались голосовать за кого-либо из этих людей; но какие действия они предприняли в своих церквях по отношению к тем, кто это сделал? Если подобные действия следует обходить молчанием, то *санкция церкви* дается на *рабовладение* и на *распространение рабства*. Вспомните, что вопрос заключался не в том, должно ли вообще существовать рабство? По этому вопросу у бездействия *могло* быть какое-то оправдание; но следовало ли его *распространять* на территорию, почти вдвое меньшую, чем все Соединенные Штаты? Казалось бы, христиане не могли колебаться ни минуты по этому вопросу; как будто все воинство избранных Божьих, как утверждает церковь, было бы выстроено в боевой порядок против мирмидонцев рабовладельческой власти. Но нет, гробовое молчание

пронизывает всю церковь по этому вопросу. Для нее не имеет значения, "покрывает ли рабство землю, как воды покрывают море", или нет. Ее "миссия - оставить это в покое". Выступать против азартных игр, блуда, нарушения субботы и подобных непопулярных грехов - ее долг; но выступать перед общественным мнением и создавать более чистое не входит в ее работу. Она так занята спасением душ, что у нее нет времени ухаживать за телами людей. Но если серьезно, разве это не ужасное положение вещей, когда церкви нашей страны спят из-за такого ужасного зла? Когда голос стража едва слышен, если вообще слышен, в осуждении самого дерзкого из преступлений? Мы обращаемся ко всем, кто имеет привычку посещать церковь. Неужели ваш священник каждое воскресенье восклицает против ужасающих масштабов распространения рабства, не говоря уже о том, где оно сейчас находится? Слышите ли вы из его уст столь же суровые обличения тех, кто занимается этим нечестивым делом, какие срывались с уст Иисуса Христа, когда он обличал угнетателей своего времени? Нет, вы этого не делаете, только изредка. Считается редким проявлением мужества, если министр осмеливается упрекнуть свой народ за то, что тот проголосовал за генерала. Тейлор?

Что же тогда следует предпринять в этом вопросе? То, что церковь на Севере поддерживает рабство, больше нельзя отрицать, ибо она идет дальше и поддерживает его распространение; да, еще дальше, она одобряет *борьбу* за его возросшую власть, убивая мужчин, женщин и детей, чтобы оно могло существовать там, где оно не могло бы существовать без этой борьбы. О, позор церкви, имеющей в своих рядах единственного члена, проголосовавшего за этого самого порочного из людей — генерала. Захари Тейлор! Но декламация ничего не даст без действия. Мы предлагаем средство от всего этого зла. Мы призываем всех истинных друзей раба покинуть те церкви, где служители или прихожане голосовали за Тейлора или Касса. Далее, мы приглашаем всех вас критически проанализировать ваши отношения с южными рабовладельческими церквями и посмотреть, не находятся ли ваши ассоциации, ваши конференции или ваши съезды в союзе с рабовладельцами или с теми, кто с ними связан. Если вы принадлежите к церкви, в которой нет ни одного члена, голосовавшего за Тейлора или Касса; но если ваша церковь поддерживает те церкви, в которых есть такие члены, разве вы не сторонник рабства? Общаться с церквями, которые удерживают сторонников рабства, - значит говорить, что такое голосование не является неправильным. Но если вы порвете со всеми подобными отношениями, разве вы не будете общаться с северными церквями, в границах которых сами рабовладельцы; например, с северной методистской церковью, в которой все еще есть члены-рабовладельцы?

Но если вам понятны все эти связи, есть еще один момент, который мы просим разрешения вынести на ваше серьезное рассмотрение, который подводит нас ко второму большому столбу, на котором стоит статуя рабства. Вы видели влияние, оказанное системе церковью; теперь взгляните на власть, данную ей *правительством*. Это главный плацдарм ужасной системы. Уничтожьте эту опору, и рабство падет; но прежде чем перейти к этой позиции в нашем рассуждении, давайте на мгновение посмотрим, как рабство признается законом; ибо именно в этом отношении мы собираемся его рассмотреть.

Правительство Соединенных Штатов не создает рабов; оно только признает законным рабство, существующее в нескольких штатах, или, используя слова Конституции, "принуждаемое к службе или труду в соответствии с их законами". *Законы* нескольких рабовладельческих штатов стали стандартом для действий правительства общей юрисдикции по этому вопросу. Никакие придирки не помогут избежать этого, ибо нет необходимости доказывать, что беглый раб по

справедливости обязан служить своему хозяину, но только в том случае, если он это делает в соответствии с *законами своего хозяина*. Хозяин издал определенные законы, объявляющие своих рабов абсолютной собственностью; в Конституции говорится, что "лица, обязанные служить в соответствии с этими законами", должны быть возвращены, что обеспечивает наиболее полное обеспечение системы. Законы государства, в котором проживает истец, являются правилом, которым следует руководствоваться, а не чувствами судьи, в отношении абстрактного вопроса о возможности того, что одно человеческое существо обязано другому проходить обязательную службу. То, что судья отказался выдать Раба, доказавшего свою правоту по законам штата, без "купчей от Всевышнего", как это сделал судья штата Вермонт, является таким же нарушением его клятвы, как и то, что он отказался выдать Рабас купчей от Всевышнего. Если это залог, за который мы так строго боремся, как еврей за фунт мяса, мы должны соблюдать залог, который гласит: раб будет выдан не в том случае, если *Всемогущий* предоставит купчую, а в том случае, если *законы штата* говорят, что он раб. Недавнее решение судьи Эдмондса в пользу Белта, самое благоприятное за всю историю, полностью признает этот принцип; и Белт обязан своей свободой не столько гуманности судьи, сколько отсутствию положительных доказательств того, что законы Мэриленда поддерживают рабство. Была подготовлена копия законов штата Мэриленд о рабстве, но в ней говорилось, что они опубликованы только уполномоченным органом, а не органом законодательной власти, поэтому Белту было разрешено выйти на свободу. Пропуск одного слова в книге спас Белта от пасти рабства больше, чем что-либо другое. Конечно, было доказано, что хозяин не предпринял юридических шагов после захвата Белта и, следовательно, не имел на него никаких прав; но главной причиной его увольнения была не незаконность его выдачи, не потому, что Бог не дал *Ликупчей*, а потому, что юрист не мог поклясться, что определенная книга была законами Мэриленда!

Это решение не подлежит обжалованию до тех пор, пока вышестоящий орган не примет иного решения. Все, что должен сделать охотник за рабами, это просто принести заверенную копию законов штата, в котором он живет, и доказать, что в таком Штате он держал человека, заявленного как его раб, и нет никакой компенсации для задыхающегося беглеца. Он *должен быть* возвращен в свое прежнее рабство, без какой-либо силы, способной защитить его от наказания, которому его хозяин может пожелать подвергнуть его в результате его побега. Таким образом, рабство легализовано нашими законами; и если мы не можем ожидать более высоких стандартов морали, чем те, которые поддерживает церковь, то, конечно, мы не можем ожидать прекращения практики, которую правительство объявляет законной. Люди, как правило, не настолько опережают свои законы и религию, чтобы отказываться совершать то, что эти законы и религия оправдывают и объявляют благородным. Таким образом, все влияние юриспруденции и церковных действий направлено вокруг рабства. Стоит ли удивляться, что оно обладает такой огромной властью и теперь стремится распространить свое влияние на новые территории? Что же тогда необходимо сделать, чтобы убрать эту подпорку из-под колоссальной статуи рабства? Проще говоря, отменить все законы, признающие его существование. Сделайте это и откажитесь подчиняться любым требованиям Юга в отношении этого вопроса, и Рабство прекратится, как только земля перестанет вращаться вокруг своей оси, если *Всемогущий* уберет свою руку с рукояти могущественного колеса. Или отбросить все это, как только рабы восстанут и отстоят свою свободу; что произошло бы почти мгновенно, если бы не Север. Сейчас мы настолько скованы компромиссами и обещаниями, что даже голосуя против

распространения рабства, мы неосознанно обязуемся поддерживать его там, где оно существует сейчас.

Но давайте несколько мгновений рассмотрим другой момент. Что дает 250 000 рабовладельцам власть держать в рабстве 3 000 000 рабов? Не власть не рабовладельцев на Юге, поскольку на них нельзя было положиться в случае восстания. Они так сильно страдают сейчас из-за деградации, которую рабство придает труду, и настолько обеднены его влиянием, что немногочисленными и незначительными были бы удары, которые они нанесли бы в защиту рабовладельцев; в целом они завидуют рабовладельцам и хотели бы видеть их лишенными всех своих рабов. Они ничего не выигрывают от существования рабства, но, напротив, сильно страдают; ибо труд рабов настолько дешев, что их услуги не востребованы; и их не уважают как обычную вещь, за исключением тех частей страны, где проживает лишь несколько рабовладельцев. Какой у них мотив подавлять восстание рабов? Среди них нет человека, который не был бы более независимым, чем нынешние рабовладельцы, если бы рабство было отменено; ибо на Юге так много земли простаивает, что рабам после освобождения не было бы необходимости работать на своих бывших хозяев. С ними все было бы не так, как со свободными рабочими Севера; ибо их могущество было бы настолько велико, что они могли бы завладеть лучшими плантациями и предоставить своим хозяевам самим заботиться о себе; а последние, не привыкшие к труду, были бы в плачевном положении, что поставило бы их в худшее положение, чем положение белых бедняков, которые немедленно стали бы аристократией Юга. На самом деле, если бы произошло восстание рабов, то нет особых сомнений в том, что оно было бы поощрено не рабовладельцами Юга. Кто же тогда даст 250 000 рабовладельцам Юга их власть? Пусть небесные ветры ответят, когда они пронесутся над плодородными полями Юга и донесут аромат хлопковых, рисовых и сахарных плантаций до ноздрей жадных до денег северян. Пусть засвидетельствуют грузы отбеленного хлопка и красивых тканей, орудия труда рабов, шляпы, ботинки и обутки, виски и все другие северные товары, когда они прибывают в южные порты. Пусть корабли, груженные продуктами, ходят из одного южного порта в другой, громко откликается великая транспортная торговля, на которую наши отцы обменивали свою добродетель. Ни одно судно, идущее с Севера в Саванну, Чарльстон или Новый Орлеан, не несет в своих обшивках и на палубах доказательства готовности рабовладельца севера поддержать его в его грязном деле. В доказательство этого позвольте мне спросить, кто проголосовал за Тейлора на недавних выборах больше, чем крупные торговцы Севера? Разве капиталисты повсеместно не кричали: "Велик Закари Тейлор!" Разве Эббот Лоуренс, принц северных промышленников, не был самым громким в своем рвении к "Старому Заку"? Пройдите по всей нашей стране, вдоль и поперек по всем ее городам и весям, и спросите, кто в этих местах голосовал за Тейлора, и вам скажут, что это сделали крупные промышленники, богатые торговцы из этих городов. Что они пожертвовали своими несправедливо нажитыми доходами в пользу избрания генерала. Тейлора; что Юг может быть доволен, а промышленность севера защищена! Вычеркните слово "индустрия" из лексикона человека, если это основа, на которой оно зиждется. Что! промышленность севера защищена только избранием величайшего из бездельников на президентское кресло? Кто испытывает меньшее сочувствие к рабочим севера, чем человек, который заставляет триста чернорабочих ежедневно трудиться под звуки кнута, звучащие у них в ушах, и который отнимает у них почти весь заработок и заставляет их жить в состоянии проституции? Является ли такой человек другом прав северных рабочих?

Но именно эти мнимые друзья отечественной промышленности, что означает что угодно, только не их собственную промышленность, поклялись поддерживать Юг. Это они так стремятся к распространению рабства, потому что они могут продать, как они думают, еще несколько товаров для использования недавно ввезенных рабов! Да, они готовы, как заметил один друг Раба, "обречь себя на гибель, если бы, поступая таким образом, они могли продавать хлопчатобумажную ткань ее обитателям по шесть центов за ярд". Они не желают отмены рабства, поскольку это открыло бы одну из лучших стран в мире для вольных рабочих, которые могли бы производить свои собственные товары и не покупали бы столько Abbott Lawrence & Co., сколько они в настоящее время отправляют на Юг. Но они близоруки даже в этом; ибо отмена рабства открыла бы рынок для гораздо большего количества товаров, чем могло бы производиться на Юге, что обогатило бы Север гораздо больше, чем его нынешняя убыточная торговля с Югом. Они не понимают этой проблемы, потому что, если бы они понимали, Курьеры, ежедневные рекламные объявления и Атласы были бы до отказа заполнены обвинениями в рабстве, точно так же, как это было во время Мексиканской войны, когда на таких обвинениях можно было заработать политический капитал. Тогда тариф должен был сохранен, иначе Север разорится, и они надеются заручиться помощью Юга в этом вопросе, помогая им поддерживать рабство. Подавляющее большинство северных промышленников так же мало заботится о существовании рабства, как и о страданиях людей, гибнущих на эшафоте за преступления против закона и порядка.

Они почти полностью эгоистичны, о чем свидетельствует характер людей, которых они назначают на должности. Их не волнует, слышат они 3 000 000 рабов лязг своих цепей или нет, пока напряженный гул их хлопчатобумажных фабрик в Лоуэлле и Манчестере и стук их отбойных молотков в Пенсильвании перекрывают эти крики. Музыка серебряных долларов, гремящих в их хранилищах по мере того, как кассиры опускают ящик за ящиком, достаточно красива для них, чтобы компенсировать визг и причитания Рабов. Хотя Господь Саваоф прислушивается к рыданиям рабов, для них это не имеет значения, пока золото звенит в их сундуках. Все небеса могут прекратить свои песни радости, чтобы прислушаться к воплям Рабов; но миры рабов могут визжать и стонать, пока шум не сотрясет старую землю до основания и не зазвучит в ушах святых подобно журчанию "многихвод" у апостола Иоанна; и эти люди не отвернутся от унылой музыки своих водяных колес или стука своих прялок. На самом деле, возникает вопрос, отвернулись бы они от своих таблиц скидок и своих банковских счетов, если бы сам Бог заговорил с небес и попросил у них сочувствия. Сочувствия! у них его нет! Их сердца сделаны из серебра и золота, отполированных до ледяного холода. Если кровь от плоти работорговца потечет сильнее, пока не зальет весь Юг и не станет красного цвета стихии, по которой плавали их корабли, это не нарушит гармонии между ними и Югом, пока не проржавеет дно их судов и не сделает их непригодными для перевозки грузов.

Конечно, все люди, которые голосуют, помогают этим хлопковым лордам поддерживать рабство; но пусть они пойдут другим курсом; пусть лидеры двух великих политических партий Севера примут другой принцип, отличный от подчинения рабовладельческой власти, и люди не будут долго возражать. Результат последних выборов полностью продемонстрировал готовность народа следовать лозунгу своей партии, каким бы он ни был, и было бы большим подлостью с их стороны предполагать, что они откажутся следовать за ними по стезям праведности, когда они так тесно придерживались их, занимая наиболее заметную часть широкой дороги. Конечно, большая часть вигов и демократов не отказалась бы от путешествия в рай, если бы так сказали их лидеры, когда они с такой готовностью бросились к ним на пути в

ад. Как это было бы с рядовыми членами партии "Свободная земля", мы не знаем. Поскольку они продемонстрировали готовность разорвать партийные связи, это не подействовало бы на них так сильно; но милосердие побуждает нас верить, что если бы лидеры этой партии предложили меру выхода из Союза, антирабовладельческие чувства их последователей охотно откликнулись бы на призыв. Именно тогда к лидерам как церкви, так и государства относится упрек Нафана Давиду: "ты - тот самый человек". Именно выдающиеся люди во всех партиях виноваты в существовании рабства.

Теперь несколько слов об отмене законов, поддерживающих рабство, или, другими словами, о внесении поправок в Конституцию. Если это можно осуществить, не распуская Профсоюз, мы хотели бы это знать; но как это возможно? Что значит изменить Конституцию, как не фактически распустить Профсоюз? Конституция - это *узлы* Союза; инструмент, который связывает Север и Юг воедино. Как же тогда вы можете изменить его в его важных чертах, не разрушая пока Союз между Севером и Югом? Давайте посмотрим. В Конгресс внесено предложение об изменении Конституции в отношении рабства. То есть Север устал от сделки, которую он заключил через своих отцов с Югом, и желает заключить новую. Конечно, если эта новая сделка будет заключена, старая должна быть объявлена утратившей силу; и мы фактически имеем дело с роспуском Союза, хотя за этим мог последовать *повторный* союз. Это показывает, что распад Союза не обязательно приведет к гражданской войне, так же как и принятие любого другого закона Конгрессом.

Главный вопрос заключается в том, как должно быть осуществлено это изменение Конституции? Конечно, пока мы утверждаем, что она и так достаточно хороша, мы не захотим ее менять; поэтому сначала мы должны убедиться в ее порочном характере, в чем, мы надеемся, к этому времени убедятся все наши читатели; но поскольку некоторые из них могут и не быть уверены, мы ненадолго остановимся на этом моменте. Ни один разумный человек не станет отрицать, что намерением наших отцов было поддерживать рабство. Сам мистер Лизандер Спунер признает это. Существует достаточно доказательств этого факта, чтобы удовлетворить любой здравомыслящий ум. Почти все политики признают это, конечно, все честные. Никто не сомневается, что наши отцы намеревались поддержать рабство, когда принимали Конституцию; и вопрос сейчас перед нами стоит не столько о техническом значении Конституции, сколько о ее реальном значении. Мы знаем, что честность всегда приводит нас к пониманию значения того или иного автора, понимая обстоятельства, при которых он писал. Например, если редактор говорит о "серьезных боях" в предстоящей кампании; его сочли бы очень нечестным человеком, если бы он стал утверждать, опираясь на авторитет этого языка, что редактор рекомендовал физические бои и выступал за кровопролитие; но нам кажется, что он был бы таким не больше, чем тот, кто, зная, о чем спорили наши отцы, стал бы утверждать, что они не имели в виду рабов, потому что они сказали "лица, удерживаемые на службе". Конечно, будучи соучастниками преступления в сделке, они не хотели заклеить себя позором, вставив слово "Рабы", так же как дуэлянт не желает называть себя убийцей вместо "джентльмен чести", или распутную женщину блудницей вместо "леди удовольствий".

На интоксикацию ее жертвы ссылаются в различных благопристойных выражениях, вместо простого — пьянство; а грабежи и воровство в океане во время войны обозначаются мягким названием каперства. Так и со всеми злодеями. Грабители только облегчают карманы своих жертв; воры только подбирают крохи у богатых; а рабовладельцы - это всего лишь хозяева; Рабы, "лица, удерживаемые на службе", или "другие лица", или что-то еще, чтобы скрыть позор

виновных. Поезжайте на Юг, и вы никогда не услышите слова "Раб"; но это "мой народ", "мой мальчик", "моя девочка" и т. Д. Если вы будете так строго придерживаться имен, то, живя на Юге, вы, возможно, никогда не узнаете, что они считают своих слуг рабами.

Что же тогда имели в виду наши отцы под "другими лицами"? Этот пункт гласит следующее:

"Представительские и прямые налоги распределяются * * путем прибавления ко всему числу *свободных* лиц, включая лиц, обязанных служить в течение нескольких лет, и исключая индейцев, не облагаемых налогом, трех пятых всех *других лиц*."

Наш вопрос заключается не в том, что может означать Конституция, а в том, каков естественный и справедливый смысл ее формулировок? Конечно, мы можем извратить значение любого инструмента и с помощью ложных рассуждений и многословных споров заставить черное казаться белым, *инаоборот*. Когда я говорю "Джон, приходи на ужин", честному, беспристрастному слушателю мой смысл показался бы очевидным; но для придирчивого специалиста я мог бы показаться великим тираном. Например, я утверждаю власть. Я отдаю команду. Я не прошу Джона прийти на ужин, но я требую, чтобы он пришел, и можно было бы привести длинный аргумент, доказывающий мою тираническую натуру, например, что я заставлял Джона есть, хотел он того или нет; что я требовал, чтобы он ел много, целый ужин, а не понемногу, и, прежде всего, что я был склонен заставить его *повиноваться мне*. Исходя из таких рассуждений, можно было бы доказать, что самый добрый из родителей суров и бессердечен. Напротив, если я скажу "обед готов, Джон", тот же придирка может обвинить меня в безразличии к благополучию моего ребенка, в том, что мне было все равно, придет он или нет, и так далее.

Теперь во всех этих случаях необходимо задействовать такое безупречное качество, как здравый смысл. Когда я обещаю отвезти моего друга на верховую прогулку завтра, непредвиденные обстоятельства, конечно, рассматриваются как оправдание невыполнения моего обещания; но мистер Лизандер Спунер от имени моего друга может подать против меня судебный иск; ибо есть мои письменные слова: "Я отвезу вас на верховую прогулку завтра"; но здравый смысл извинит меня, если моя лошадь заболеет или мою карету украдут. Мистер Спунер аргументирует как серьезный человек, чтобы доказать, что эти выражения не означают рабов, потому что нельзя доказать, что они относятся к рабам. такой класс, в точном смысле этих слов. "Слово "свободный" не является коррелятом рабства; по целому ряду причин", - говорит он. Он думает, что "все люди" означают инопланетян. Итак, какой абсурд. Кто когда-либо слышал о том, чтобы три пятых иностранцев в каждом штате добавлялись к натурализованным гражданам при распределении представителей? Сколько представителей имеют места в Конгрессе из-за иностранцев, проживающих в их округах? Ни один, и все же двадцать пять человек сидят там из-за рабов, проживающих в их округах. Это жгучий позор для мужчины - променять такие благородные способности мышления, какими обладает мистер Спунер, на такой глупый и презренный способ рассуждения. Почему, если его аргументы верны, вся поэзия и фигуры речи неправильны; весь метафорический язык и олицетворения в письме неуместны; и нам не остается ничего, кроме простых, прямолинейных слов, которые имеют точное значение и не могут означать ничего другого. Если я говорю "дует ветер", я лгу, потому что ветер - это действие чего-то другого, и, конечно, абсурдно говорить о его дуновении. Если я говорю "мне больно", это неправда, потому что боль во мне; и если я говорю о том, что Бог движет миром своей рукой, это ложь, потому что у него нет руки. Если я говорю: "гигант рабства

крадется за границу, по нашей земле", - это ложь, потому что нет такой трогательной вещи, как рабство, ибо рабство - это просто термин, применяемый к определенному поступку человека; но кто обвинит меня во лжи, когда я говорю об этих вещах? Придание строжайшего буквального значения каждому слову Конституции привело бы нас к некоторым критическим замечаниям Дж. К. Кэлхуна, таким как то, что *люди* не рождаются *равными* и т.д.

Давайте немного проследим за идеей мистера Спунера в отношении свободных людей, имея в виду натурализованных граждан. Мистер Спунер говорит, что Конституции всех штатов на момент принятия Конституции США использовали это слово только в том смысле, который обозначен в английском законодательстве, и, конечно, что Конституция США использовала это слово только в этом смысле. Этот аргумент, если он что-либо доказывает, доказывает слишком многое; и мы опасаемся, что он будет полностью действовать как против идеи мистера С., так и в ее пользу. Согласно этому закону, *словосвободный*, уверяет нас г-н С., означает "лиц, обладающих гражданством или каким-либо другим правом или особой привилегией, в отличие от иностранцев, и лиц, не обладающих таким правом или привилегией". Тогда слово "свободный" в данном случае должно означать только противоположность иностранцам. Иностранцы - это те, кто не имеет права голосовать или занимать должности. Я полагаю, это единственные привилегии, которых они лишены. Тогда, поскольку слово "свободные" означает тех, кто обладает привилегиями, которыми не обладают иностранцы, оно не может означать ни женщин, ни детей, поскольку они не обладают ни одной из этих привилегий.

Таким образом, согласно этому определению, свободными лицами являются только избиратели и подмастерья, а "все остальные лица" - это не натурализованные иностранцы, а также женщины и дети. Но рабы не обладают и никогда не обладали этими "особыми привилегиями", поскольку всегда были лишены права голоса и занимать должности, и, конечно же, не могут считаться противоположностью пришельцев, так же как женщины и дети, и, следовательно, подпадают под категорию "всех других лиц". Если свободные люди противоположны иностранцам, а иностранцы - это лица, лишённые особых привилегий, то никто не может быть свободным человеком, не обладающим этими привилегиями. Но никогда не было известно, что рабы обладают ими, поэтому они не могут быть свободными людьми. Свободные люди, говорит мистер Спунер, - это те, кто обладает каким-то правом голоса или привилегией, которых нет у инопланетян. Теперь, во имя здравого смысла, мы спрашиваем, какими привилегиями когда-либо обладали рабы, которых нет у пришельцев? Пусть ответят их покрытые шрамами спины, зияющие раны и сломанные конечности. Рабы, обладающие привилегиями! и все же именно такое определение мистер Спунер предпочитает давать *словосвободные*: "Лица, обладающие гражданством или каким-либо другим правом или привилегией, *которыми не обладают иностранцы*".

Но несколько слов от первоначальных разработчиков Конституции разрешат всю эту трудность. Говорит Александр Гамильтон на Нью-Йоркском съезде:

"Первое, против чего возразили, - это тот пункт, который допускает представительство трех пятых негров. * * Без этой снисходительности никакой союз не мог бы быть создан".

В Вирджинии мистер Мэдисон сказал:

"Еще один пункт закрепляет за нами ту собственность, которой мы сейчас обладаем. В настоящее время, если какой-либо раб сбегает в любой из тех штатов, где рабы свободны, он становится эмансипированным по их законам. Поскольку законы штатов в этом отношении безжалостны друг к другу. Но в этой Конституции "ни одно лицо, привлекаемое к службе или труду в одном штате в соответствии с его законами, сбежавшее в другой, не должно в силу какого-либо закона или постановления в нем быть освобождено от такой службы или труда; но должно быть передано по требованию стороны, которой может быть причитается такая служба или труд". *Это положение было специально вставлено, чтобы позволить владельцам рабов вернуть их.* Это лучшая защита, чем любая из существующих сейчас".

Ген. Пинкни на съезде Южной Каролины заметил:

"Мы получили право возвращать наших рабов в любой части Америки, где они могут найти убежище, чего раньше у нас не было".

Но, в конце концов, главный вопрос заключается не в том, что Конституция говорит словами, а в том, какая от нее польза? Если она подходит для свободной нации, то она не может быть способна на такое ужасное извращение, какое было допущено законодательством страны с момента его принятия, поскольку идея мистера Спунера верна. Если это антирабовладельческий документ, то это первый антирабовладельческий документ и единственный, который, как известно, Calhoun & Co. лелеяла и которым клялась. Какими удивительно проникательными должны быть эти коварные южане, чтобы не заметить антирабовладельческий дух Конституции; и обнимать монстра отмены рабства, когда они воображают, что прижимают к груди свой собственный билль о правах на содержание рабов. Южан обычно так не обманывают, и странно, что в данном случае они оказались настолько одурачены. Со своей стороны, сам факт того, что Конституция так высоко ценится на Юге, бросает на нее тень подозрения и побуждает нас отвергать ее как инструмент борьбы с рабством. На Юге запрещены даже учебники воскресной школы, запятнанные антирабовладельчеством, а стихотворения, намекающие на свободу, там вряд ли допускаются к распространению; как странно тогда, что эта великая *великая хартия вольностей* свободы человека так восхваляется ими. Дело в том, что это их вполне устраивает. Они никогда не жаловались на то, что она недостаточно выступает за рабство, но всегда оставались довольны ею как своим сторонником и проводником; и все же северяне, выступающие против рабства, будут говорить о том, что это инструмент борьбы с рабством. С таким же успехом разбойник мог бы прижимать к груди заповеди Иисуса Христа, или игрок и пьяница - работать над моралью, как рабовладелец - над Конституцией, если бы он верил, что она направлена против рабства.

Мы отдаем себе отчет во всем, что можно сказать в пользу независимости мышления; мы ни в коем случае не хотели бы привязывать кого-либо к мнениям прошлого или говорить любому смелому отступлению от устоявшихся обычаев и мнений: "Вы неправы, потому что отличаетесь от великих и образованных людей"; но все же мы хотели бы спросить, если Конституция действительно направлена против рабства, как утверждает мистер Спунер, как случилось, что в отношении нее были допущены такие вопиющие ошибки? Может ли настоящий документ против рабства быть истолкован настолько неверно, чтобы удовлетворить рабовладельцев, которые боятся малейшего проявления антирабовладельчества, как сатана боится истины Божьей? Мы допустим ради аргументации, что он напрямую не санкционирует рабство; тем не

менее, мы утверждаем, что это документ, поддерживающий рабство, по следующей причине. Борьба с рабством - это смелый, откровенный и безошибочный шаг. Это "известное и читаемое всеми людьми живое послание", и его нельзя так же ошибочно принять за пропаганду рабства, как сияние солнца - за крошечную тьму. Разница между ними настолько велика, что их никогда нельзя перепутать одно с другим; или, по крайней мере, подлинное Противодействие рабству никогда не может рассматриваться как поддержка рабства к полному удовлетворению рабовладельцев. Мы окидываем взглядом историю нашей страны и видим, что с начала ее политического существования до настоящего времени рабство оправдано Конституцией. От Президента, сидящего в государственном кресле, до представителя самой маленькой деревни в самом незначительном штате Союза; от председателя Верховного суда Соединенных Штатов до мелкого юриста и эсквайра из захолустной деревни; от мудрейшего государственного деятеля до самого невежественного политика; от всех, кто когда-либо занимал президентское кресло, до того, кто надеется вскоре занять его; от политиков всех партий до людей, которые отрекаются от политики; мы слышим только один голос, уважающий характер Конституции, за исключением нескольких человек, таких как наш друг Спунер, который похож, за неимением лучшего занятия они склонны испытать силу своего разума в аргументации его антирабовладельческого характера; подобно тому, как философы древности оттачивали свое логическое оружие при обсуждении таких вопросов, как "любил ли Бог возможного несуществующего ангела больше, чем существующее насекомое"; или "проходил ли ангел, путешествуя от точки к точке, промежуточные точки"; и "может ли более одного человека существовать в одном и том же пространстве в один и тот же момент". Эти могучие исследования были интеллектуальными поединками и турнирами эпохи рыцарства и странствий. Мы будем счастливы, если моральный дон-кихотизм не вмешается в наши усилия по истинному реформированию. Для нас есть большое сходство между битвой этого прославленного гения с ветряной мельницей и долгой и кропотливой борьбой нашего друга за доказательство антирабовладельческого характера Конституции; ибо после того, как он привел веские аргументы и доказал всем, что технически Конституция не поддерживает рабство, чего хорошего он добился? Он действительно боролся с буквой и, возможно, вышел победителем; но принижает ли он ее дух? Он покоится, как рыцарь древности, на поле рыцарского боя с глубоким чувством, что участвовал в смертельной битве; он сражался упорно и доблестно; но, увы, его враг по-прежнему силен, как всегда, и вовсе не расположен сдавать поле боя.

Если Конституция, когда мы плывем по водам политической жизни, не дает нам надежного ориентира, а подобна карте, которая всегда вводила моряка в заблуждение и вместо того, чтобы указывать путь к городу цивилизации и добродетели, направляла его к скалистым берегам какого-нибудь острова каннибалов, то какая нам от нее польза? Мы плывем по беспокойному океану. Темные и зловещие тучи нависают над нашим судном. Небо начинает сгущаться в черноту. Перед нашими глазами вспыхивают красные молнии. Гром отдается своим мрачным стоном в наших ушах. Волны начинают биться и пениться друг о друга. Наш курс неопределен; но среди сгущающейся темноты мы различаем маяк, смутно видимый вдалеке. Мы смотрим на нашу карту, не зная, где находимся. Это описывает наш прошлый маршрут и утверждает, что у входа в гавань, в которую мы хотим войти, возведен маяк. Мы сверяемся с нашим компасом. Это действительно не согласуется с очертаниями диаграммы; но юрист стоит на нашей стороне и доказывает правильность диаграммы. Соответственно, мы направляем наше судно к свету, но, к нашему ужасу, обнаруживаем, что это всего лишь ложный свет, установленный жалкими вредителями. Наша карта была неверной. Она ввела нас в заблуждение. Мы лавировали и

избежали ловушки. Мы не совсем потерпели крушение. Другие моряки подвергались такой же опасности, но мы по-прежнему придерживаемся карты. Мы отказываемся отбрасывать это от себя и даже прислушиваемся к советам того, кто сказал бы нам, что *таблица* достаточно верна. Только наше неправильное прочтение привело нас к опасности. Мы возобновляем наше путешествие, уверенные, что на этот раз избежим всякого вреда, поскольку теперь мы знаем, что означает наша карта. Соответственно, мы поднимаем все наши паруса и уверенно направляемся к предназначенной нам гавани. Но более черная туча, чем прежде, отбрасывает свою мрачную тень на наше судно. Мы с трудом различаем слова на нашей карте. Попытки исправить его ложные интерпретации настолько испортили его поверхность, что мы не можем извлечь из него никакого света. В какой-то момент кажется, что он направляет нас по тому пути, по которому мы сейчас плывем, затем сразу же идет почти полностью противоположным курсом, так что сбитые с толку, мы полностью отбрасываем его. Затем мы смотрим на безошибочную стрелку нашего компаса, и благодаря ее неизменному направлению к звезде надежды для моряка, так же как и для беглого Раба, мы способны уберечься от гибели, пока не будет получена правильная карта — та, которая не допускает ни уклонений, ни противоречий, и по которой мы можем направлять наш курс, пока не достигнем желанной гавани.

Так и с Конституцией. Она вводила нас в заблуждение до тех пор, пока мы чуть не потерпели крушение на берегах южного угнетения. Сейчас мы не в состоянии понять, что это на самом деле означает. Его буквальное значение противоречит реальному. Должны ли мы продолжать доверять безопасности государственного корабля такой Конституции; той, которая долгое время вводила нас в заблуждение и значение которой все ее толкователи определили ошибочно; или мы должны отказаться от нее и временно довериться северной звезде надежды; свету, который сияет в сердцах тех людей, выступающих против рабства, которые являются живыми антирабовладельческими посланиями и истинными апостолами свободы; верному указанию стрелки принципа, поскольку она всегда наклонена в противоположном направлении от Юга, и таким образом сохранить наши свободы до тех пор, пока не будет принята истинная и безопасная Конституция? Должны ли мы довериться сомнительным и противоречивым показаниям клочка пергамента, составленного людьми, подобными нам; или же мы порвем всякую связь с опасными островами человеческого угнетения, лежащими к югу, откажемся от нашей прибыльной торговли с людьми, которые хуже людоедов; и пустим наше судно в открытое море свободы, подальше от скалистых берегов этих островов смерти, держа неизменный курс к какой-нибудь северной гавани, где мы сможем пришвартовать наше судно и благополучно высадить наших пассажиров? В конце концов, что такого есть в Конституции в пользу свободы, чтобы удовлетворить сыновей свободных людей? Это, действительно, может подойти для таких свободных людей, которые могли бы сражаться за себя и все же наложить цепи на своих братьев; но для тех, кто желает отречься от всякого угнетения, это не поможет. Конституции истинных сынов свободы должны быть подобны их сердцам, ярко отшлифованы; и свободны отпыли сторонников рабства, а также от его более грубой грязи.

Но Конституция это или не Конституция, но мы боремся за свободу человека. Мы не можем остановиться в наших трудах на благо угнетенных, чтобы доказать правдивость оружия наших врагов. Мы не можем отойти в сторону среди жары и пыли конфликта между светом и тьмой, чтобы прочитать уроки по юридическим тонкостям. Крики истекающего кровью раба слишком громко звучат в наших ушах, чтобы позволить нам отклониться от нашего курса настолько, чтобы опуститься до споров о неприкосновенности человеческих конституций. Когда мы слышим вопли рабов, и каждый ветерок, доносящийся с Юга, наполнен криками 3 000 000

пострадавших, как мы можем заботиться о том, препятствуют ли конституции или церкви их освобождению, больше, чем мать заботилась бы о пламени вокруг нее, пытаясь спасти своего ребенка из горящего жилища? Костры рабства, за которыми ухаживают северные священники и которые разжигают северные политики, яростно пылали все эти годы, обжигая и покрывая волдырями даже тех, кто стоял рядом и наблюдал за ними; тело раба превратилось почти в почерневший труп; малыши, испытывающие нежную материнскую любовь, уже задыхаются в предсмертных муках; и крики живых достигают небес, в то время как яркое пламя осветило небосвод, подобно пламени горящей Москвы; и должны ли мы отвести потоки воды жизни от этого ужасного пламени, потому что оставляем священные места? идолы блокируют работу наших двигателей? Нет, давайте лучше затопим их все, Рабство, выступающих за рабство, церкви и конституции, таким потоком небесных вод, который так же эффективно сметет с лица земли всех этих сторонников рабства, как Ноев потоп смел с земли грешников его времени. Если мы хотим отменить рабство, мы должны быть деструкционистами. Слово вышло из уст Всемогущего, что рабство должно быть уничтожено. Прогрессирующий дух эпохи, в которую мы живем, predetermined его свержение; его судьба даже сейчас записана в свитке судьбы, который содержит конец всякому угнетению, и мы не можем помешать этой неизбежной тенденции. Реформа начала триумфально распространяться по нашей земле. Ошибка убегает в свои исконные жилища, в скалы и пещеры земли; а истина в своем праздничном наряде восходит на трон сердец человечества. Истина, слишком долго скрывавшаяся в твердых лесах, почти боящаяся показать свое лицо, хотя и покрытое густой вуалью, снимает свое одеяние сокрытия; выходит из своего убежища в дикой местности и смело оспаривает правление земель у чудовищ, которые так долго правили ею, но для того, чтобы проклинать ее и царствовать над ней, но чтобы омрачать ее жизнь. Отныне, хотя между врагами Бога и человека предстоит еще много долгих и кровопролитных битв, истина все же победит. Человек побуждает себя к благородным поступкам. Рабство, этот гигант отчаяния, так долго стоявший на пути паломников истины, подобно мрачному гиганту из Замка Сомнений Баньяна, отступает из всех своих прежних твердынь. Едва ли найдется страна в пределах этой зеленой земли, на которую теплое небесное солнце проливает свои благодатные лучи, но которая избавляется от этого грязного пятна, за исключением *только Америки!* Британцы и французы, датчане и норвежцы, русские и турки, индейцы-семинолы и мексиканцы, алжирцы и тунисцы сами по себе - все отвергают отвратительную систему, как поношение своему честному имени; но молодая Америка, громче всех хвалящаяся чистотой, свободой и благочестием, отстает. Похоже, только она из всех народов земли не желает отпускать пленника на свободу. Она, которая боролась за свою свободу, величайший из тиранов, почти единственный фараон на земле!

Но благодаря некоторым в ее границах даже ее гордое сердце начинает слабеть; ее конечности слегка дрожат, и, подобно морякам в шторм, которые бросаются к бутылке, чтобы в последний раз напиться досыта, она впадает в отчаяние и пьет глубже, чем когда-либо, из чаши Рабства, как последний глоток, который она может получить из этого зловонного источника.

Мужайтесь, друзья вашей расы! Пусть дыхание Всемогущего вдохновляет вас, пусть его приказ укрепляет вас! Заново облачитесь в доспехи истины; заново облекитесь в евангельские доспехи и совершите более смелую, чем когда-либо, атаку на Бастилию Рабства. Этот мрачный замок, который так долго неодобрительно относился к нашим свободам, будет сровнен с землей, а его тоскующие обитатели выпущены на свободу, чтобы дышать чистым воздухом свободы.

Вперед, друзья реформы! Помните, что "битва не для сильных, и гонка не только для быстрых, но что доспехи Всемогущего сильнее всего оружия ваших врагов". Облачитесь не в неуклюжие доспехи царя Саула, но в "нагрудник праведности, шлем спасения и меч духа", оружие, которое "не плотское, но могущественное через Бога, чтобы сокрушить сильные объятия сатаны".

Нам остается ответить еще на один вопрос, а именно: как нам распустить Профсоюз? Утверждалось, что если бы Конституцию можно было изменить без роспуска, в таком шаге не было бы необходимости; но следует помнить, что это событие никогда не может произойти, пока Юг частично не выступит против рабства. Для достижения этой цели необходимо согласие законодательных собраний трех четвертей нескольких штатов, и мы оставляем за всеми непредвзятыми людьми право судить, есть ли какая-либо надежда на то, что такое согласие когда-либо будет дано. Единственное очевидное средство для нас - это отречься от Конституции, провозгласить себя свободными и независимыми от Юга и организовать новое и отдельное правительство на Севере.

Необходимые шаги вкратце таковы. Пусть будет созван съезд жителей Свободных Штатов в поддержку этого движения; пусть законодательные органы нескольких Штатов отзывают своих представителей и сенаторов из Конгресса, и пусть они соберутся вместе, и пошлют делегатов на этот общий съезд, как это сделали наши отцы на съезде, где была принята Декларация независимости. Пусть они соберутся и примут Конституцию, выберут какое-нибудь заметное место для резиденции правительства, например, в Буффало, отправят домой конституцию для ратификации несколькими северными штатами и, сформировав таким образом свое собственное правительство, пусть они выведут свою часть армии и флота с Юга, откажутся платить пошлины правительству генерал-губернаторства и пошлют министра в правительство юга для урегулирования всех претензий между ними. Конечно, Юг был бы слишком занят улаживанием своих собственных дел, чтобы беспокоить нас какое-то время; и если бы, наконец, началась война, легко понять, кто победил бы: Север со всеми его ресурсами или Юг с 3 000 000 рабов на его границах. Тогда вся территория к северу от линии Мейсона и Диксона была бы открыта для беглецов. Ни один охотник за рабами не осмелился бы ступить на нашу землю, чтобы найти свою потерянную жертву. Таким образом, собственность рабов была бы бесполезна в Вирджинии, Мэриленде, Кентукки и Миссури, и, вероятно, эти штаты вскоре постучались бы в наши двери с просьбой принять их в наш союз. Это еще больше снизило бы ценность рабов на юге, и в конечном итоге вся страна стала бы свободной. Но есть и другой взгляд на это. Тогда рабы могли бы восстать и потребовать своей свободы, и ничто не могло бы помешать им добиться ее. "При первом ударе барабана 10 000 штыков северян готовы вонзиться в грудь рабов, если они попытаются восстать", - говорит мистер Андервуд из Кентукки, выступая в Конгрессе. Эта опасность исчезла бы. Тогда ни один враг с севера не был бы готов нанести удар по рабам, борющимся за свободу, но миллионы людей сочувствовали бы ему и помогали. Конечно, люди Севера должны быть обращены, прежде чем произойдут эти перемены, но они должны произойти. Это единственное средство от рабства, в которое мы хоть немного верим, и нельзя терять времени.

Это должно произойти, мы говорили? В каком-то смысле это уже произошло. Люди, кость и сухожилия страны, почти готовы к переменам. Рабочие Севера могут понять, каким невыгодным для них является рабство; как оно унижает труд и препятствует возвышению работника; но их лидеры хитры и постараются убедить их, что Профсоюз имеет большее значение, чем отмена рабства. Не может быть никаких сомнений, что, если бы не лидеры церкви и государства,

распад Союза был бы осуществлен быстро; но эти люди, всегда являющиеся проклятием общества, стоят на пути любого улучшения в этом отношении. Если бы людям было позволено действовать в соответствии со своими собственными побуждениями, был бы Закари Тейлор избран президентом этой страны? Станьте свидетелем могучего собрания воинств свободы в Буффало; и посмотрите, до какой степени поднялось народное настроение, когда стало известно о выдвижении людей, которые, как известно, решительно выступают против распространения рабства! Шум одобрения, вырвавшийся из почти 50 000 сердец, прозвучал по всей стране подобно раскату грома в ушах эгоистичных и беспринципных лидеров. Ни одно событие никогда не приводило к такому изменению политики коррумпированных людей, как эта демонстрация первых плодов духа свободы. Политики, такие же коррумпированные, как сама гниль, дрожали и громко взывали о помощи. Всеобщий вой отчаяния донесся из ада Рабства; но лица сынов свободы повсюду просветлели, как лицо матери озаряется радостью, когда она видит своего первенца, лежащего у нее на руках. Если в результате этого произошла такая могучая перемена, утренний свет свободы, то каковы будут вопли нечестивых и ликование добрых, когда солнце освобождения засияет во всем своем меридиональном великолепии над темными и мрачными пещерами рабства, как это будет, когда аналогичный съезд выдвинет человека на пост президента *Северного союза*?

Если лица южан и их союзников вытянулись тогда, то какими они будут, когда весть о таком соглашении достигнет их ушей? Мы повторяем, что народ почти готов к этим переменам; и ему нужно только слово команды от своих лидеров, чтобы принять в качестве своего лозунга: "Больше никакого союза с рабовладельцами". Но беспринципных лидеров никогда не обратят в свою веру только люди, продвигающиеся перед ними; поэтому наша работа заключается в людях.

Мужчины и женщины Америки, потомки тех пионеров свободы, которые бросили вызов превратностям судьбы в новой, дикой стране, чтобы их детям была дарована свобода; сыновья и дочери воинов Лексингтона и Банкер-Хилла; дети патриотов революции; неужели в ваших сердцах не осталось того духа свободы, который двигал вашими отцами? Неужели огонь свободы настолько погас в вашей груди, что там не осталось ни искры свободы, которая могла бы воспламенить хлопковые сердца, окружающие вас? Не горит ли в ваших душах пламя негодования при воспоминании об оскорблениях, которые вы получили от рук Юга? Скажите, вы, дети гордых и ненавидящих тиранию родителей, неужели вы погрязли в такой жалкой покорности своим угнетателям, что никакое попрание ногами ваших собственных прав и прав Рабов не может вывести вас из оцепенения? О, неужели в вашей груди не осталось ни капли той ненависти к тирании, которая побудила ваших отцов сказать: "сопротивление тиранам - это послушание Богу"? Тогда, действительно, вы возвращаетесь к принципам, за установление которых боролись ваши отцы, низменные и выродившиеся сыновья благородных и энергичных предков.

Еще одно слово, и наша задача выполнена. Что такое Юг, что вы так привязаны к нему? Разве она не развратная блудница, обманывающая вас своим веселым нарядом и пытающаяся совратить вас с пути добродетели своими лстивыми речами? Да, разве она уже не пленила ваши простые сердца, и теперь, когда она околдовала вас и получила власть над вами, не стремится лишь оскорбить и вызвать презрение к вам? О, давайте вырвемся из ее оскверняющих объятий и вернемся к добродетели и непорочности. "Выйди от нее, народ мой, и не будь причастен к ее грехам, чтобы не подвергнуться ее язвам".